

И. В. Дубровский

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ДОКТОРА КЕЛЛЕРМАНА

Резюме

В переписке тосканского двора за 1685 г. обсуждается замысел составления словаря и грамматики русского языка. Его автором был первый русский доктор медицины и богословия знаток языков Генрих Келлерман. Год спустя он предлагал московским властям перевести Библию с древнееврейского языка. Видимо, работа над исправлением текста Священного Писания впоследствии им велась, ибо в Европе возник ложный слух о некоей восьмиязычной полиглоте, будто бы изданной Келлерманом в Москве в 1712 г. Указ Петра I того же 1712 г. о назначении комиссии по исправлению Библии на основе греческого текста Септуагинты, отдававший этот труд в руки старорусской охранительной партии, может быть реакцией на переводческую деятельность московского врача Генриха Келлермана.

Ключевые слова: великий герцог Тосканский, Флорентийский государственный архив, изучение иностранных языков, словари и грамматики русского языка, исправление старославянской Библии

Igor V. Dubrovski

THE PHILOLOGICAL PROJECTS OF DR. KELLERMAN

Abstract

The correspondence of the Tuscan court from 1685 contains a discussion of the idea of compiling a dictionary and a grammar book of the Russian language. The person who suggested the idea was the first Russian Doctor of Medicine and Theology, Heinrich Kellerman. A year later, he offered the Moscow authorities to translate the Bible from Hebrew. Apparently, he was later engaged in correcting the text of the Holy Scriptures, since a false rumor that arose in Europe stated that Kellerman had published a certain eight-language polyglot in Moscow in 1712. That year Peter I issued a decree that established a commission that was tasked with the correction of the Church Slavonic translation of the

© И. В. Дубровский, 2023

Bible based on the Greek text of the Septuagint. This decision placed the work in the hands of the Old Russian conservative party. The decree was possibly a reaction to the translation activities of the Moscow physician Heinrich Kellerman.

Keywords: Grand Duke of Tuscany, State Archives of Florence, study of foreign languages, dictionaries and grammars of the Russian language, correction of the Old Slavonic Bible

DOI 10.31860/2712-7591-2023-1-98-110

В истории языкознания имя правителя Флоренции Козимо III нашло свое неожиданное место. Заинтересовавшись финским языком, он попросил составить для него грамматику и словарь этого языка своего знакомого по Падуанскому университету врача и полиглота из Гамбурга Мартина Фогеля (1634–1675). Немецкий ученый отдался этому заданию со всей страстью. В желании максимально полно раскрыть «характер» («indoles») финского языка он анализирует его фонетические, морфологические и синтаксические особенности, ищет образцы разговорной речи, наблюдает за его распространением на огромной территории до Белого моря, изучает диалекты, родственные языки. В частности, Мартин Фогель сумел впервые обосновать структурное родство финского и венгерского языков, указав, таким образом, на то, что после стали называть финно-угорской языковой семьей. До него близость языков искали и находили на уровне лексики. По мнению Фогеля, с большей достоверностью устанавливать родство языков возможно путем сопоставления их морфологии и синтаксиса. Как известно, эта мысль является краеугольным камнем сравнительного языкознания сегодня [Wis].

При этом финский был лишь одним из многих языков, увлекавших великого герцога Тосканского. В письме секретаря польского короля по имени Санти Бани от 14 апреля 1683 г. говорится, что он высылает Козимо III польскую грамматику, с такими пояснениями: «Она одна из лучших, что есть, или единственная толковая, а в наши дни это редкость» [Ciampi 1827, p. 72]. Другой секретарь польского короля итальянского происхождения Томмазо Таленти в письме великому герцогу от 7 марта 1685 г. сообщает: «Нижайше осмелюсь приложить для вашего высочества небольшую книжицу, напечатанную на языке московитов, в огорчении, что при всем моем старании я не смог раздобыть ничего лучше». «Две литовские книги, одна из которых — трехязычный словарь, а другая — годовой круг евангельских чтений на литовском и польском языках» он посулил выслать позднее¹. Третий корреспондент великого герцога пояснял содержимое одной своей посылки,

¹ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее: ASFi, MdP), 4495, f. 267r–v.

отправленной тому «через Амстердам и оттуда с первой возможностью (т. е. с первым кораблем. — *И. Д.*) в Ливорно», следующим образом: «В ней как следует упакованы такие книги: одна весьма любопытная Библия на финском языке, словарь того же языка, грамматика исландского языка... Я жду еще кое-какие книги из Швеции, но они запаздывают, и я решил сперва выслать эти» [Ciampi 1834, p. 220].

Автор последнего письма — Теодор Керкринг (1638—1693), еще один врач из Гамбурга, чье имя вошло в анатомические атласы (я имею в виду эпонимы «керкринговы складки» слизистой оболочки кишечника, «керкрингова косточка», появляющаяся у плода на 16-й неделе беременности). Есть известный исторический анекдот о том, как Спиноза влюбился в дочь своего учителя, а та предпочла ему другого студента. Его звали Теодор Керкринг. Тем не менее их научные пути потом сошлись самым счастливым образом. Спиноза зарабатывал на жизнь шлифовкой линз и изготовлением приборов. По словам Т. Керкринга, он создал для него превосходный микроскоп, с помощью которого на несколько лет раньше Левенгука он открыл микроорганизмы [Kerckring, p. 178—179]. Запомним этого человека. Он сыграет роль в истории, которую я хочу рассказать.

Ряд исследователей обращает внимание на материал, свидетельствующий о желании Козимо III познакомиться с языком жителей Московского государства [Ciampi 1828, p. 31—33; 1834, p. 218—220; Villani, p. 79—80]. Я попытаюсь его суммировать. 21 апреля 1682 г. Козимо III просит Теодора Керкринга раздобыть для него «какую-нибудь книгу на языке московитов да какой-нибудь словарь этого языка». Не сумев найти подобных книг в Гамбурге, Керкринг обратился к некоему другу из Амстердама. Об этом говорится в его ответном письме от 17 мая. 5 августа того же года он ставит великого герцога в известность, что отыскать словарь «языка московитов» оказалось невозможным и что «один датский посланник, проведенный в Московии несколько лет» заверил его в том, что не существует опубликованного словаря, в котором язык жителей этой страны «объяснялся бы посредством какого-либо из европейских языков», а есть только русско-[старо]славянский, излагающий «*obscurum per obscurius*», от которого наверняка будет мало проку [Villani со ссылкой: ASFi, MdP, 4287, без пагинации].

Керкринг расспрашивает отнюдь не случайного человека. Речь здесь идет о лучшем специалисте по русскому языку во всей Европе, Гильдебранде фон Горне (1655—1686). Голштинец по рождению, он состоял на дипломатической службе у датского короля Христиана V. Впервые он побывал в России в 1676—1678 гг. в качестве секретаря посольства Ф. Габеля. В свой следующий приезд в Москву, продлившийся с мая по декабрь 1681 г., он имел уже

самостоятельное задание. В письме от 6 декабря 1681 г. Гильдебранд фон Горн сообщает, что на прощальной аудиенции он получил от царя в подарок дюжину русских книг в роскошных переплетах, и поясняет это так: «Его царское величество был несказанно рад узнать, что я весьма ценю русский язык [«eine grosze estime für die Reüszische sprache hätte»]. Отчего он и пожелал наградить меня сказанными книгами, дабы я не только запомнил его царскую милость, но и мог впредь упражняться в этом языке». Правда, следующая фраза сбивает с толку, ибо дальше вдруг говорится о [старо]славянском языке: «Я возблагодарил его царскую милость и заверил, что, не питая я вовсе никакой особенной склонности к славянскому языку [«keine grosze lust zug Schlavonischen sprache»], одного этого [подарка] было бы достаточно, чтобы сделать его милым моему сердцу» [Wegener, s. 198]. Что же касается упомянутой беседы с Теодором Керкрингом, ее возможность около этого времени подтверждается депешей, отправленной Гильдебрандом фон Горном датскому королю из Гамбурга 14 июля 1682 г. [Wegener, s. 191].

Несколько недель спустя в переписке секретаря Козимо III аббата Бассетти с тосканским агентом в Амстердаме Джоакино Гваскони потребность в словаре русского языка представлена иначе. По поручению правителя Флоренции Бассетти просит своего корреспондента выяснить, нельзя ли получить из России описание сухопутного пути в Китай. Если такой рассказ найдется и окажется составленным или опубликованным по-русски, для ознакомления с ним потребуется также отправить во Флоренцию словарь русского языка. В противном случае, по словам Бассетти, высылать словарь не нужно². Нам остается думать, что в этот момент он еще не был в курсе пробудившегося интереса великого герцога к русскому языку как таковому, а также не знал содержания его переписки с гамбургским врачом Теодором Керкрингом. Как мы увидим ниже, позднее он сам примет в ней деятельное участие.

² Такую информацию содержат три связанных документа. Первый — выписка из письма московского жителя Франческо Гваскони от 18 июля 1682 г., сделанная рукой его брата Джоакино и отосланная последним из Амстердама во Флоренцию в письме от 4 сентября. На обороте этого листка имеется с трудом прочитываемая запись, сделанная третьим лицом, очевидно, для памяти (ASFi, MdP, 4263, f. 677ter v.). Здесь словарь назван «русским и славянским» («mandi insieme un dizionario, Moscovita, e Schiavone»), дальше в определении словаря слово «славянский» пропадает. Видимо, бумага эта достигла канцелярии великого герцога 22 сентября, ибо этим днем датирован второй документ — черновик письма Бассетти Джоакино Гваскони, содержащий соответствующее поручение (ASFi, MdP, 4263, f. 678r.–v.). Наконец, Джоакино в своем письме из Амстердама от 16 октября 1682 г. по заведенной традиции слово в слово повторяет полученное задание, откуда мы еще раз можем его понять (ASFi, MdP, 4263, f. 680r.).

Не доверившись словам ученого голштинца, Керkring продолжил поиски. В очередном письме во Флоренцию от 8 ноября он подводит их итог: «ни в Голландии, ни во всей Германии», «в самых больших и прославленных библиотеках, какие только есть», словаря русского языка не нашлось. Зато нашелся человек, «один друг», способный дать «письменно разъяснение большей части русских слов» («della maggior parte delle parole mosche»). Об этом немаловажном эпизоде я, к сожалению, знаю лишь из статьи уважаемого коллеги С. Виллани, где о нем сказано скороговоркой. Ясно то, что ничего путного из этого не вышло. Выяснить подробности получится, когда появится возможность заглянуть в архивные документы [Villani со ссылкой: ASFi, MdP, 4287, без пагинации]³.

Тема неназванного лица, способного поделиться знанием русского языка, вновь зазвучит в переписке последних месяцев 1685 г. Теодор Керkring сносится с великим герцогом Тосканским теперь не напрямую, а через его секретаря Аполонио Бассетти. 19 сентября 1685 г. он пишет из Гамбурга во Флоренцию: «Некоторое время назад нашим светлейшим государем мне было поручено отыскать для его высочества словарь и грамматику языка Московии, но, несмотря на все усилия, я не сумел раздобыть ни того ни другого, ибо московиты к таким вещам безразличны [«a causa che li Moscoviti in ciò non sono curiosi»]. Тем не менее мне предоставился случай отчасти удовлетворить желание светлейшего государя, а именно тут нашелся один молодой человек родом из Московии, чей отец из тамошних дворян [«havendo per padre uno di quelli Nobili»], от роду лет тридцати, довольно образованный и владеющий многими европейскими языками, в том числе хорошо голландским, а также немецким и итальянским [«prattico di diverse lingue Europee, e tra l'altre intende bene la lingua olandese, com' anco todesco et italiano»]. Он предложил мне составить для нашего светлейшего государя на итальянском языке словарь и грамматику славянского языка [«un dittionario et una grammatica in lingua di Slavonia et Italiano»], ибо этот язык в ходу по всей Московии, в том числе при дворе, как самый обычный [сначала написано и зачеркнуто: «come la più volgare», и затем вписано над строкой: «come l'ordinaria»] и общепонятный [«da ogn'uno intesa»], хотя в каждой области имеются отличия в произношении. Начертания букв, которыми обычно пользуются московиты, весьма странные и больше напоминают греческие. Вышесказанный юноша сведущ не только в языке Московии, но и знает

³ С. Виллани упоминает в этой связи письма Т. Керкринга от 8 ноября и 23 декабря 1682 г., а также черновики писем, отправленных ему от 13 октября, 8 декабря и 18 января. «Anche questo tentativo però naufragò», — пишет он коротко.

край и обычаи народа, ибо, как уже сказано, он там родился, а его отец служит при дворе [«un gentilhuomo di Corte»], а потому думаю, что он сумеет исполнить желание нашего светлейшего государя наилучшим образом»⁴.

Реакция тосканского двора была на удивление сдержанной. «Что касается объявившегося у вас молодого человека, — отвечал секретарь великого герцога в письме от 9 октября того же года, — уроженца Московии, штатского [«di condizione civile»], знающего много европейских языков, предлагающего себя в качестве составителя словаря русского языка [«il Dizionario Moscovito»], который желает иметь его высочество, а также славянской грамматики на итальянском языке [«una Gramatica slavonica in lingua Italiana»], его высочеству не было угодно поручить ему [«non pare all'Altezza Sua d'impegnarlo»] такой труд, пока нет уверенности в том, будет ли он ему по плечу [«di come egli fusse per riuscire»]. В самом деле, чтобы внушать доверие, подобные труды должны быть взвешены [«a fin d'essere autorevoli, conviene che passino sotto la struttina»] людьми проверенной учености. Поэтому его высочество хотел бы сначала получить точные сведения о личности и нравственном облике вышесказанного юноши, а именно на скольких языках тот может свободно изъясняться и писать, хорошо ли владеет пером [«di che sorte di letteratura sia adornato»], какую религию исповедует, каков он от природы [«di che naturale egli sia»], кроткий и светский либо заносчивый и себе на уме, благонравный или безнравственный, не имеет ли склонности к вину и распутству [«et alle licenze immoderate del senso»], наконец, чем он нынче занимается и не думает ли отправиться в Италию, дабы поступить на службу ко двору какого-либо государя? Потому пусть ваша милость позаботится о том, нельзя ли разузнать обо всем вышеупомянутом, но сделать это требуется осторожно, не подавая сказанному юноше никаких надежд»⁵.

Теодор Керкринг вяло защищал своего протеже. 5 ноября он сообщал во Флоренцию: «Теперь по поводу того самого юноши, упомянутого мной некоторое время назад, сведущего в русском и славянском языках [«prattico delle lingue di Moscovia e Slavonia»]. Лет ему около 36, он доктор медицины, родился в Московии от немецких родителей. Отец его — дворянин и подданный [русских] царей [«un gentilhuomo e suddito delli Zaari»]. Он получил от них позволение находиться в здешних краях, поэтому без их согласия он не сможет перебраться в другое место. Я попытался разведать, не желает ли он отправиться в Италию, но обнаружил, что по вышеупомянутой причине ему будет трудно на это решиться, хотя он готов послужить составителем сло-

⁴ ASFi, MdP, 4495, f. 1137r–v.

⁵ Ibid., f. 1138r–v.

варя сказанных языков, в которых он так сведущ, что способен передать на них все, что заблагорассудится. Что же касается остального, что еще угодно знать об этом молодом человеке, об этом его высочеству расскажет монсиньор епископ Тицианополитанский»⁶. Последний не кто иной, как Нильс Стенсен (1638—1686), еще один выдающийся ученый своего века [Шафрановский], снова врач, анатом, физиолог, родоначальник нескольких наук — геологии, кристаллографии, палеонтологии, — некогда тесно связанный с тосканским двором, а теперь проживающий в Гамбурге и собирающийся ехать в Италию. О почтении к нему со стороны великого герцога говорит тот факт, что после его смерти Козимо III позаботился доставить и похоронить его прах во Флоренции. Русский в Гамбурге водил поистине удивительные знакомства.

Письмо Бассетти в Гамбург от 18 декабря 1685 г. содержало отказ от сотрудничества с неназванным «московитом», объяснить который я затрудняюсь. Буквально Керкрингу было отвечено так: «Его высочество принял к сведению то, что вы сообщили о молодом человеке, родившемся в Москве и знающем русский и славянский языки [*«nato in Moscovia, e perito di quella lingua, e della Sclava»*], но мало расположенном ехать в Италию, поскольку он не может распоряжаться собой и действовать по своей воле [*«non è libero di se stesso, e non può disporre della sua volontà»*] без позволения светлейших царей. Отсюда явствует, что рассчитывать на него нельзя [*«non è da fare assegnamento sopra di lui»*], а потому без толку [*«sarebbe di poco profitto»*] ждать от него работы над словарем языка московитов [*«del Dizionario Moscovitico»*], к которой, по-вашему, он будто бы имеет достаточно способности, но, как вам прекрасно известно, чтобы от таких словарей была польза, они должны быть тщательно выверены и точны»⁷. По-видимому, на этом обсуждение данного вопроса было окончено.

С какой целью Козимо III собирал словари и грамматики иностранных языков? Неужели столько языков, включая русский, он хотел и рассчитывал выучить сам? Есть сведения, что его отец великий герцог Фердинанд II довольно долго изучал «иллирийский язык» жителей Дубровника и даже якобы весьма в нем преуспел. Впрочем, об этом факте сообщают лишь хорватские источники, а флорентийские молчат. Точно то, что Козимо III в отношении того же языка избрал для себя иной образ действий. «Достоинство иллирийского языка и представление, которое я всегда о нем питал, — пишет он в Дубровник 3 февраля 1681 г., — вынудили меня искать того, кто бы его знал, [дабы] сделать такого человека своим ближайшим слугой

⁶ Ibid., f. 1149r.

⁷ Ibid., f. 1150r.–v.

[«condurlo al mio servizio di Camera»], когда у меня на службе объявился [«dove trovandosi»] один молодой фламандец [«un Giovane Fiammingo»], уже овладевший начатками этого языка [«competentemente introdotto nell'istesso idioma»]. Хочу, чтобы он двигался вперед беспрепятственно, и потому желал бы снабдить его книгами на этом языке. В этой связи я и обращаюсь к вашей милости, поскольку вы всегда были ко мне столь добры, дабы, воспользовавшись нашим коротким знакомством, просить вас сделать так, чтобы я смог получить словарь и пару других книг из Пагузы, где, как я слышал, есть перевод на сказанный язык и Фомы Кемпийского. Пусть ваша милость проявит снисходительность к такому моему любопытству...» [Dauze]. Возможно, великий герцог Тосканский желал иметь в своем окружении таких знатоков редких языков и просил присылать ему отовсюду словари и грамматики не для себя лично. К слову сказать, в переписке с великим герцогом Козимо III состоял московский почтмейстер А. А. Виниус. Очевидно, не зная в достаточной мере других языков, Андрей Виниус писал во Флоренцию по-голландски. Сохранился черновик одного из ответных писем великого герцога, любезно переведенный на безупречный голландский язык. Документ датирован 7 апреля 1685 г.⁸ Не был ли переводчиком данного письма тот самый приезжий юноша из Нидерландов, который с жаром набросился на хорватский?

Примечательно, что интерес к «москowitzу» и знанию, которым он был готов поделиться, пропал, когда стало понятно, что во Флоренцию он не приедет. Тут приходит на ум, что для овладения языком одних книг мало, а требуется живое общение с носителем языка. Похоже, таким живым учебным пособием был призван служить некий финн, отправленный во Флоренцию Теодором Керкрингом вместе со словарем финского языка и финскими книгами. Вопрос о присылке финна обсуждался в тех самых письмах, где говорилось о безымянном «москowitzе», которые мы уже цитировали. При дворе великого герцога финна ждали с нетерпением, и Керкринг был вынужден оправдываться, почему того так долго нет⁹. Но долгожданное прибытие финна обернулось разочарованием. Сначала финн горько запил¹⁰, а потом и вовсе пришел умом в такое иступленное состояние, что пришлось запереть его в богадельню¹¹. Нужда в переводчике с русского возникла два

⁸ ASFi, MdP, 4264, f. 88bis, 89r.–v.

⁹ ASFi, MdP, 4495, f. 1137r.–v., 1138r.–v., 1149 r.

¹⁰ Ibid., f. 1150r.–v. «A pena giunto si lasciò vincere non poco dal vino», — сказано в этом документе.

¹¹ [Ciampi 1828, p. 32–33], письмо Т. Керкрингу от 14 января 1686 г., где есть такие строки: «Prima fattosi ottuso e saturno, ha poi dato in una frenesia di mente così stravagante che bisogna farlo

года спустя, когда в порт Ливорно прибыл корабль с посольством Василия Постникова. Секретарь канцелярии великого герцога в письме от 12 февраля 1688 г. советовал генерал-губернатору Ливорно поискать того, «кто бы знал малость по-русски», «среди немецких солдат»¹². С удовольствием вспомню еще один анекдотичный случай. 15 февраля 1691 г. из Ливорно в канцелярию великого герцога писали о приезде молодого черкеса, которого Козимо III давно хотел получить из России для своего двора. Юношу звали Караша, с ударением на последнем слоге¹³. Видимо, на все вопросы он отвечал: «Хорошо».

Не составит труда назвать имя «москoviта», о котором говорится в письмах Теодора Керкринга. Русский немец Генрих — он же Андрей — Келлерман, купеческий сын, в марте 1661 г. 12-летним мальчиком был отправлен отцом для обучения за границу (Керкринг точно указывает его возраст 24 года спустя — 36 лет). Учился «в городе Лейпцих шесть лет (...) да в городе Страсбурх три годы (...) в городе Оксфорд год, во Французской земле в городе Париже и Момбиле [т. е. Монпелье] полтора года, в Италии в городе Падуве два годы, и в том граде учинен он (...) дохтуром». Вернувшись в Россию в конце 1677 г., новоиспеченный доктор Келлерман был вскоре принят на службу в Аптекарский приказ. В бумагах его указывалось, что «разумеет и пишет он дохтур» на шести языках, а именно на латыни, немецком, голландском, французском, английском и итальянском [Новомбергский, с. 159].

Как ни странно, русского в это время он не знал или не помнил. Хлопотавший за него отец заверял власти, что его одаренный сын «славенской грамоте и рускому языку может вскоре изучитца» и тогда, в отличие от своих коллег, сумеет работать без переводчика [Новомбергский, с. 158]. Однако на это не хватило и полутора лет. В ноябре 1679 г. «в аптекарском приказе (...) дохтур Андрей Келдерман извещал словесно на толмача на Никиту Вицента: (...) толмач де Микита к нему дохтору не ездит больши недели; а тем больным стрельцам ему дохтуру лекарств без толмачества давать не мочно, и он дохтур от того опасен [т. е. опасается], чтоб те больные стрельцы не померли» [Материалы, № 1448, с. 1063]. Неужели русский язык так ему и не дался? Спустя много лет, 7 июля 1712 г., Генрих Келлерман подал в Посольскую

guardare acciò non si precipiti, operando egli in maniera come se fosse invaso da qualche spirito. Al presente s'è dato mano e farlo curare in quest' Ospedale con ogni diligenza, poichè cadde infermo febricitante, e se il vizio fosse nel sangue, si vedrà se gli giovano le copiose sanguine».

¹² ASFi, MdP, 2210, без пагинации.

¹³ ASFi, MdP, 1555, без пагинации.

канцелярию прошение на русском языке. По выражению исследовательницы Сабине Думшат, «очевидно, оно было составлено им собственноручно, что выдает поразительно своеобразная манера речи» («was der auffallend eigenartige Sprachstil und -duktus verraten») [Dumschat, S. 366].

Весной 1683 г. доктор Келлерман был отпущен со службы и получил разрешение уехать из России. 6 июля 1686 г., находясь в Гамбурге, он обратился с письмом на латинском языке к фактическому главе русского правительства В. В. Голицыну¹⁴. Желая вернуться на царскую службу, он просил его о содействии и заступничестве. По его словам, во время заграничной поездки он продолжил обучение не только медицине, а занимался также теологией, философией, освоил ряд языков, включая древнееврейский: именно он есть язык священный, посредством которого устами своих пророков Господь Бог говорил со своим народом. Теперь свои знания автор горит желанием употребить на благо отечества («Reipublicae Moscoviticae emolumento»), но не прочь также прославиться и заработать («mihi que honori et proemio»), а именно предлагает осуществить новый полный перевод Библии с древнееврейского «на наш [старо]славянский язык». Кроме того, автор письма выражал готовность, если понадобится, знакомить русского читателя с западноевропейской медицинской литературой или даже взяться за перевод памятников римского права. «Сознаюсь, — продолжает он, — я обещаю больше, чем под силу сделать одному человеку (тут требуются усилия многих), но с Божьей помощью мне будет все по плечу». Деликатный вопрос исправления Священного Писания в ответных письмах никак не комментировался, но доктор был принят назад с распростертыми объятиями [Цветаев, с. 79–84].

«В Указателе Мюллера, — сообщал наш первый историк русской медицины Вильгельм Михайлович Рихтер, ссылаясь на другого замечательного исследователя немецкого происхождения Федора Ивановича Миллера, — есть запись о том, что он умер в Москве в 1715 году и что его эпитафию можно было прочесть на старом лютеранском кладбище» [Richter, S. 367–368]. Есть ли следы интеллектуальной деятельности того, кто так много обещал и чей век оказался долгим? Знал ли и помнил ли о Генрихе Келлермане кто-либо если не в России, то хотя бы в Европе?

Такой информации почти нет. В предисловии к пропагандистской брошюре с рассказом о взятии русскими войсками Нарвы в 1704 г. Генрих Келлерман упомянут как известный в Европе русский ученый и знаток языков, правда, невпопад: «известный господин Келлерман» якобы читал

¹⁴ Опубликовано в работе: [Цветаев, с. 76–78].

европейские газеты царю Алексею Михайловичу, чего, конечно, не могло быть¹⁵. Куда важнее забытое сегодня указание митрополита Евгения (Болховитинова) [Евгений, с. 281—282]. Речь идет об одном удивительном недоразумении: в двух французских сочинениях, впервые увидевших свет в 1723 и 1728 гг., утверждалось, что в 1712 г. в Москве будто бы была издана восьмизычная полиглотта Евангелия от Матфея, подготовленная к печати Генрихом Келлерманом. При этом из восьми языков перечисленными оказались лишь семь — а именно еврейский, греческий, латинский, [старо]славянский, итальянский, английский и голландский, — а по поводу Келлермана утверждалось, что в 1720 г. тот якобы был еще жив¹⁶. Мы в достаточной мере знаем работу московской типографии, чтобы не сомневаться в том, что достижения Франции сведения о таком издании являются неверными. Тем не менее такой слух наверняка возник не на пустом месте. За ним что-то стоит. Возможно также, к делу имеет отношение уже упомянутое письмо Келлермана в Посольскую канцелярию от 7 июля 1712 г. с просьбой разрешить ему поездку в Голландию, дабы он мог увидеться с родственниками и решить некие семейные дела. Наконец, отметим еще одно едва ли случайное совпадение: 14 ноября того же 1712 г. датирован известный указ Петра I о назначении комиссии по исправлению славянской Библии на основе греческого текста Септуагинты.

В традиционалистских кругах мысль Келлермана об исправлении славянской Библии на основе древнееврейского текста должна была вызвать самое резкое отторжение. По определению И. Е. Евсеева, в конце XVII — начале XVIII в. «выяснение основы Славянской Библии приняло форму полемики в защиту Греческой Библии — Септуагинты — против латинской Вульгаты и еврейского текста». В наиболее ярком памятнике такой полемики — «Обличении на гаждателей Священного Писания» — Биб-

¹⁵ Das Im Augusto 1704. Glücklich besiegte Narva, Durch Die nunmehr der Welt sich auf dem Europäischen Theatro zeigende Sieghafte Waffen Des Allerdurchlaucht. und Großmächtigsten Czaarens und Groß-Fürstens in Moscau etc. Herrn Petri Alexieviz. Sic redit ad Dominum quod fuit ante suum. Cölln: bey Peter Freymund, [1704], S. [3].

¹⁶ (1) «Evangelium secundum Matthaeum octolingue Hebraice, Graece, Latine, Sclavonice, Italice, Anglice et Belgice, studio Henrici Kellermanni. Moscauae 1712», — сказано в кн.: Bibliotheca sacra in binos syllabos distincta... Parisiis, 1723. Т. 1. P. 46. Книга эта является расширенным переизданием труда Жакоба Ле Лонга «Bibliotheca Sacra, seu Syllabus omnium ferme Sacrae Scripturae editionum», впервые увидевшего свет в 1709 г. Автор переработки — Pierre-Nicholas Desmolets. (2) «Nous ajoûterons que Henri Kellermanne a donné en 1712 l'Évangile de saint Matthieu en plusieurs Langues. Il étoit Moscovite, élevé dans le Collège de Padouë et Médecin du dernier Czar; il vivoit encore en 1720» (Calmet A. Dictionnaire historique, critique, chronologique, géographique et littéral de la Bible. Paris: Emery Saugrain P. Martin, 1728. Т. 4: Supplément à la Bibliothèque sacrée. P. IV).

лия на древнееврейском языке провозглашается испорченной «раввинами». «Нельзя не видеть — продолжает И. Е. Евсеев, — что указ Петра возник под влиянием старорусской московской партии, громко выразившей свои заветные убеждения в „Обличении...“ и вошедшей в комиссию исправителей в лице Софрония Лихуда, Феофилакта Лопатинского и их единомышленников, под главным руководством главы старорусской охранительной партии — Стефана Яворского» [Евсеев]. Вероятно, все это объясняет, почему от научной деятельности Генриха Келлермана, первого русского доктора медицины и теологии, почти не осталось следов. Кажется, мы случайно коснулись неизвестной страницы истории русской науки петровского времени.

Литература

- Евгений — *Евгений, митрополит (Болховитинов Е. А.)*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России: В 2 т. / Изд. «Москвитянина». М.: Университетская тип., 1845. Т. 1: [от А до К]. [2], VI, 20, 328 с.
- Евсеев — *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Часть вторая, выпуск второй // Комиссия по научному изданию Славянской Библии (Русская Библейская Комиссия): 1915–1929 гг.: Сб. архивных материалов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 20–78.
- Материалы — Материалы для истории медицины в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Вып. 4. С. 863–1304.
- Новомбергский — *Новомбергский Н.* Материалы по истории медицины в России. СПб.: Тип. Альтшуллера, 1906. Т. 3, ч. 2: Приложение к исследованию «Врачебное строение в допетровской Руси». 189 с.
- Цветаев — Памятники к истории протестантства в России, собранные Дм. В. Цветаевым. Часть первая. С предисл. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.: Университетская тип., 1883. Кн. 3: Июль — Сентябрь. Раздел I. Материалы исторические. Разд. паг.
- Шафрановский — *Шафрановский И. И.* Николай Стенон (Нильс Стенсен) — кристаллограф, геолог, палеонтолог, анатом (1638–1686). Л.: Наука, 1972. 180 с.
- Ciampi 1827 — *Ciampi S.* Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch. Firenze: Nella tipografia di Giuseppe Galletti, 1827. [6], 80 p.
- Ciampi 1828 — *Ciampi S.* Sullo stato dell'arte e della civiltà in Russia, prima del regno di Pietro il Grande // *Antologia*. 1828. № XXXI, agosto. P. 19–36.
- Ciampi 1834 — *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche... Firenze: L. Allegrini e G. Mazzoni [etc.], 1834. Vol. 1. 462 p.
- Dayre — *Dayre J.* Études slaves à Florence au 17e siècle // *Rešetarov zbornik iz dubrovačke prošlosti*. Dubrovnik: Naklada knjižare "Jadran", 1931. S. 469–471.
- Dumschat — *Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart: Steiner, 2006. 750 S.
- Kerckring — Theodori Kerckringii... Spicilegium anatomicum... Amstelodami: Sumptibus Andreae Frisii, 1670. [24], 280 p.
- Richter — *Richter W. M.* Geschichte der Medicin in Russland. Moskwa: N. S. Wsewojolsky, 1815. Zweiter Theil. 654 S.

- Villani — Villani S. *Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo* // *Nuovi studi livornesi*. 2008. Vol. XIV. P. 37–95.
- Wegener — Relationer til K. Christian den Femte fra den danske envoyé i Moskov Hildebrand von Horrn // *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv, indeholdende Bidrag til dansk Historie af utrykte Kilder / Udgivne af C. F. Wegener*. Kjøbenhavn: I Kommission hos C. A. Reitzel, 1876–1882. S. 138–198.
- Wis — Wis C. *Alle origini della linguistica comparativa: Martin Fogel* // *Studi finno-ugrici II* (1996–1998). Napoli: Dipartimento di Studi dell'Europa orientale, [1999]. P. 51–151.

References

- Ciampi, S. (1827). *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch*. Firenze: Nella tipografia di Giuseppe Galletti, [6], 80 p.
- Ciampi, S. (1828). 'Sullo stato dell'arte e della civiltà in Russia, prima del regno di Pietro il Grande', *Antologia*, № XXXI, agosto, 19–36.
- Ciampi, S. (1834). *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche...* Firenze: L. Allegrini e G. Mazzoni [etc.]. Vol. 1, 462 p.
- Dayre, J. (1931). 'Études slaves à Florence au 17e siècle', in: *Rešetarov zbornik iz dubrovačke prošlosti*. Dubrovnik: Naklada knjižare "Jadran", 469–471.
- Dumschat, S. (2006). *Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland*. Stuttgart: Steiner, 750 S.
- Evgenii, mitropolit [Bolkhovitinov, E. A.] (1845). *Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 1: [A–K], [2], VI, 20, 328 p.
- Evseev, I. E. (1990). 'Ocherki po istorii slavyanskogo perevoda Biblii. Chast vtoraya, vypusk vtoroy', in: *Komissiya po nauchnomu izdaniyu Slavyanskoi Biblii (Russkaya Bibleiskaya Komissiya). 1915–1929 gody. Sbornik arkhivnykh materialov*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 20–78.
- Kerckringii, Th. (1670). *Spicilegium anatomicum...* Amstelodami: Sumptibus Andreae Frisii, [24], 280 p.
- Materialy dlya istorii meditsiny v Rossii* (1885). Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 4, 863–1304.
- Novombergskii, N. (1906). *Materialy po istorii meditsiny v Rossii*. Saint Petersburg: Tipografiya Al'tshullera. Vol. 3, part 2, 189 p.
- 'Relationer til K. Christian den Femte fra den danske envoyé i Moskov Hildebrand von Horrn' (1876–1882), in: Wegener, C. F., ed. *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv, indeholdende Bidrag til dansk Historie af utrykte Kilder*. Kjøbenhavn: I Kommission hos C. A. Reitzel, 138–198.
- Richter, W. M. (1815). *Geschichte der Medicin in Russland*. Moskwa: N. S. Wsewojolsky. Zweiter Theil, 654 p.
- Shafranovskii, I. I. (1972). *Nikolay Stenon (Nil's Stensen) — kristallograf, geolog, paleontolog, anatom (1638–1686)*. Leningrad: Nauka, 180 p.
- Tsvetaev, D. V., ed. (1883). 'Pamyatniki k istorii protestantstva v Rossii. Part 1', in: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. Vol. 3. I. Materialy istoricheskie. Pag. var.
- Villani, S. (2008). 'Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo', *Nuovi studi livornesi*, XIV, 37–95.
- Wis, C. (1999). 'Alle origini della linguistica comparativa: Martin Fogel', in: *Studi finno-ugrici II* (1996–1998). Napoli: Dipartimento di Studi dell'Europa orientale, 51–151.